

А.Н. Гиляров

**Новейшие попытки философского синтеза на
научной почве**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А11 **А.Н. Гиляров**
Новейшие попытки философского синтеза на научной почве / А.Н. Гиляров – М.: Книга по Требованию, 2017. – 40 с.
ISBN 978-5-458-54522-8

ISBN 978-5-458-54522-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ введеніи авторъ ближе опредѣляетъ отношеніе между наукой и философіей и пытается устранить возраженія, предъявляемыя критическимъ направленіемъ противъ возможности метафизики.

Если научныя знанія должны служить необходимымъ основаніемъ всякой теоріи о внутренней природѣ вещей, то это потому, что нельзя открыть принциповъ того, о чемъ имѣешь лишь весьма несовершенныя свѣдѣнія. Помимо науки тѣ идеи, которыя мы образуемъ о реальномъ мірѣ, неизбѣжно должны быть болѣе или менѣе поверхностными, неопредѣленными, зыбкими, несвязными, ошибочными. Строить теоріи о чемъ нибудь значитъ искать глубокія основанія неизвѣстнаго. Когда знаешь, какъ устроенъ міръ и какъ онъ идетъ, можно надѣяться дойти до его первыхъ причинъ; но когда обладаешь лишь его пустымъ призракомъ, какимъ образомъ претендовать на проникновеніе въ его тайну? Никакое знаніе не можетъ быть слишкомъ полнымъ тамъ, гдѣ предполагаешь изслѣдовать до дна. Столь очевидная истина не могла ускользнуть отъ творцовъ системъ; но она ихъ не останавливала, такъ какъ они считали себя вполне свѣдущими въ тѣхъ вещахъ, за истолкованіе которыхъ брались. Однако, когда наука была еще въ зародышѣ, ея свѣдѣнія были либо ничтожны, либо весьма ограничены, и поэтому приходилось черпать идеи о человѣчествѣ и о природѣ изъ этого мутнаго источника.

Этотъ источникъ недостаточныхъ теоретическихъ понятій авторъ называетъ эмпиризмомъ и различаетъ три области и какъ бы три круга произведеній мысли: эмпиризмъ, науку, философію. Въ эмпиризмъ входятъ всѣ понятія, пріобрѣтаемыя рефлексіей или безъ нея повседневнымъ общеніемъ ума съ лицами и вещами; въ науку—тѣ, которыя основаны на изслѣдованіяхъ терпѣливыхъ, трудолюбивыхъ, методическихъ, направленныхъ на спеціальный, точно опредѣленный предметъ; въ философію—тѣ, которыя бывають слѣдствіемъ методическихъ занятій, ставящихъ цѣлью постиженіе совокупности и основанія вещей.

Было бы ошибочнымъ думать, будто часъ великихъ синтезовъ миновалъ; напротивъ, онъ наступилъ; онъ звенитъ съ концомъ вѣка, и сама наука подаетъ здѣсь сигналъ. Своими недавними открытіями она представляетъ для метафизики міръ реальности почти совсѣмъ обнаженнымъ отъ его покрововъ; она ее приготовляетъ своими внушеніями, можно даже сказать, что она ее нѣкоторыми изъ своихъ воззрѣній начинаетъ; и „философъ, такимъ образомъ поддерживаемый,

подъемлемый, переносимый, ставимый въ самыя благопріятныя условія, единственно благопріятныя, которыя когда либо существовали, можетъ отнынѣ вступать съ нѣкоторою увѣренностью на тотъ путь, на которомъ его предшественники роковымъ образомъ должны были заблуждаться“.

Однако на пути къ метафизикѣ мыслителя подстерегаетъ и останавливаетъ критицизмъ, отрицающій ея возможность. Онъ принимаетъ всѣ формы и нападаетъ на всѣ стороны, кажущіяся ему слабыми въ философскомъ пониманіи, мѣтя то въ объектъ знанія, то въ субъектъ, то въ ихъ взаимоотношеніе. Представителей этого послѣдняго направленія авторъ разсматриваетъ какъ самыхъ важныхъ противниковъ философскаго догматизма и считаетъ достаточнымъ опровергнуть только ихъ разсужденіе, а доводы остальныхъ направленій, какъ менѣе сильныя, оставляетъ безъ вниманія. Но такъ какъ скептицизмъ подвергаетъ сомнѣнію естественную вѣру человѣческаго духа въ возможность обладанія истиной, то авторъ полагаетъ необходимымъ затронуть предварительно вопросъ объ основаніи достовѣрности.

Основаніе это, по Риберу, двоякое: въ области разсужденія—очевидность, въ области факта—согласіе экспериментальныхъ данныхъ.

Не всѣ однако держатся такого взгляда. Нѣкоторые (напримѣръ, Паскаль) думаютъ, что принятіе духомъ принциповъ познанія есть дѣло вѣры инстинктивнаго характера. Въ такомъ случаѣ (возражаетъ Риберъ) все затемняется, такъ какъ вѣра, инстинктъ, чувство всегда болѣе или менѣе слѣпы, и темнота, покрывающая принципы, необходимо распространяется и на слѣдствія. На дѣлѣ, аксіомы съ опредѣленіями служатъ источникомъ свѣта, а разсужденіе лишь направляетъ его лучи на тѣ предложенія, которыя сами собой не ясны.

Столь же мало основаній заподозрѣвать и убѣдительность согласія данныхъ опыта. Оно совершенно невозможно для фактовъ прозрачныхъ и даетъ такое средство различать съ достовѣрностью бодрствованіе отъ сна и разумъ отъ безумія, что на этомъ вопросѣ не зачѣмъ останавливаться.

Тѣмъ не менѣе, по ученію современныхъ скептиковъ, ни очевидность истинъ непосредственныхъ и доказанныхъ, ни совершенное согласіе опытныхъ данныхъ, не могутъ обезпечить обладаніе истиной.

Утверждая это, нерѣдко ограничиваются замѣчаніемъ, что человѣческій духъ прилагиваетъ впечатлѣнія отъ вещей къ своему собственному строенію, что онъ есть какъ бы кривое зеркало, искажаю-

щее предметы. Наша истина не есть истина полная и безусловная, а только относительная, чисто человеческая. Мы не въ состояніи знать, насколько нашъ разумъ правоспособенъ въ познавательной дѣятельности; поэтому сомнѣніе господствуетъ надъ всѣми нашими знаніями.

На взглядъ Рибера, такая точка зрѣнія не естественна. Умъ необходимо принимаетъ за основаніе рядъ фактовъ или принциповъ, считаемихъ безспорными. Чтобы подвергнуть ихъ сомнѣнію, нуженъ былъ бы доводъ особой силы, превышающей ту, которой дается наша увѣренность, такъ какъ, если бы оба довода были равносильными, то сомнѣніе имѣло бы не больше цѣны, чѣмъ увѣренность, которую оно предполагаетъ разрушить. Но гдѣ взять доводъ высшаго порядка? Не въ томъ ли самомъ разумѣ, который доставляетъ всѣ вообще данныя, могущія служить основаніемъ для заключеній? Требовать отъ разума, чтобы онъ заключалъ противъ себя самого, значитъ вращаться въ ложномъ кругу. Скептицизмъ, опирающійся на подобное основаніе, есть такая же относительная истина, какъ остальные произведенія мысли, и долженъ быть самъ заподозрѣнъ во лжи. Это простое сужденіе заставляетъ признать его за то, что онъ есть, то есть за мертворожденное утвержденіе, разрушающее себя самого.

Больше приходится считаться съ тѣмъ скептицизмомъ, который, допуская достовѣрность познанія относительнаго, отрицаетъ всякое знаніе безусловнаго или абсолютнаго.

Что такое абсолютное? Абсолютное есть то, чье существованіе или природа не зависятъ ни отъ какого отношенія, ни отъ какого условія, то есть то, что не опирается ни на какое постороннее основаніе, не происходитъ ни изъ какого посторонняго источника, или, выражаясь общепризнанной формулой, то, что существуетъ въ себѣ и по себѣ. Такова реальность или сущность, непознаваемая, съ точки зрѣнія скептицизма, для нашего разума.

Эта невозможность познать безусловное для скептицизма двоякая. На взглядъ однихъ, ни одна изъ нашихъ идей не выходитъ за предѣлы опыта, и такъ какъ опытъ даетъ только относительное, то понятіе объ абсолютномъ есть чисто логическій призракъ и погоня за нимъ—заблужденіе. Для другихъ абсолютное не бессмысленное слово, но въ немъ слѣдуетъ видѣть только субъективное понятіе нашего ума, не дающее никакого ручательства за существованіе соответствующаго ему объекта.

Съ точки зрѣнія перваго предположенія, мы познаемъ только отношенія и, значить, вещи даны намъ только въ ихъ отношеніяхъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что абсолютнаго не существуетъ? Иное дѣло не быть обязаннымъ своимъ существованіемъ никакому отношенію и иное—быть чуждымъ всякихъ отношеній. Метафизическое абсолютное неизбѣжно подразумѣваетъ то или другое отношеніе къ міру, различное у различныхъ мыслителей. И какъ существуютъ единичныя вещи, находящіяся между собою во взаимоотношеніи, точно такъ же существуетъ и абсолютное, находящееся въ отношеніи къ этимъ вещамъ.

Но какимъ образомъ дойти до такого предѣла познания? Нужно прежде всего помнить, что здѣсь дѣло идетъ не о предѣлѣ пространства и времени, такъ какъ если такой предѣлъ и существуетъ, то онъ слишкомъ отдаленъ, чтобы могъ быть постигнутъ, а если пространство и время безконечны, то никакого предѣла въ нихъ нѣтъ. Задача метафизики познать не начало или конецъ вещей, но ихъ основаніе. Путь къ такому основанію вполне намѣченъ: нисходя отъ слоя къ слою, мы дойдемъ наконецъ до такого, на который опираются всѣ остальные. Этотъ основной слой, несомнѣнно, значительно отдаленъ отъ поверхности вещей, но все же не такъ далеко, какъ обыкновенно думаютъ.

Примѣромъ нисхожденія отъ слоя къ слою можетъ служить слѣдующій, приводимый Берглю въ письмѣ къ Ренану.

Передъ нами зажженная лампа. Почему освѣщаетъ она? Потому, что ея газообразныя и твердыя молекулы обладаютъ значительной живой силой, такъ какъ тепло есть лишь движеніе, сообщаемое эиру.

Какъ происходитъ въ данномъ случаѣ тепло? Вслѣдствіе сгоранія угля и водорода, то есть вслѣдствіе ихъ соединенія съ кислородомъ воздуха, такъ какъ всякое химическое соединеніе сопровождается тепломъ.

Почему химическое соединеніе есть источникъ тепла? Потому, что на него тратится часть движенія, которымъ обладаютъ свободныя атомы, входящіе въ соединеніе, и что это движеніе, по существу вѣчное и мѣняющее лишь форму, вновь появляется подъ видомъ живой молекулярной силы.

Почему свободныя атомы располагаютъ большимъ количествомъ движенія? Здѣсь положительная наука умолкаетъ: она удостовѣряетъ лишь какъ фактъ, что вся вообще матерія находится въ сильномъ

движеніи. На выручку приходитъ научная гипотеза. Томпсонъ, на-
примѣръ, выводитъ первичные атомы изъ ээира. По этой гипотезѣ
чрезвычайная подвижность атомовъ зависитъ отъ крайней напряжен-
ности той среды, изъ которой они черпаютъ свои элементы.

Почему ээиръ находится въ состояніи крайняго напряженія?
Здѣсь наука предоставляетъ слово философіи. Абсолютное, которое
отъ философіи ожидается, не должно быть внѣмірнымъ; его идеалъ есть
слѣдствіе наиболѣе широкой и наиболѣе углубленной разработки
экспериментальныхъ данныхъ, такъ что никакая относительность опыта
не можетъ служить препятствіемъ для проникновенія къ такому абсо-
лютному.

Ученіе объ абсолютномъ какъ простомъ понятіи нашего ума
основано Кантомъ. Главнымъ доводомъ для Канта служить то, что
какъ скоро мысль пытается отнести понятіе объ абсолютномъ къ
реальному предмету, она впутывается въ противорѣчія или, какъ на-
зываетъ ихъ Кантъ, въ антиноміи. Риберъ находитъ ученіе Канта
неубѣдительнымъ и съ цѣлью „поколебать, если только не разрушить
довѣріе“, оказываемое многими этому мыслителю, приводитъ „рази-
тельный примѣръ“ недостатковъ его методы, критикуя первую анти-
номію. При этомъ онъ ограничивается критикой тезиса, такъ какъ,
чтобы устранить противорѣчіе, достаточно доказать неосновательность
одного какого либо изъ противоположаемыхъ предложеній.

„Міръ (говоритъ въ этомъ тезисѣ Кантъ) имѣетъ начало во вре-
мени и ограниченъ въ пространствѣ“.

Доказывается это тѣмъ, что если бы міръ не имѣлъ пачала во
времени, то до каждаго даннаго мгновенія протекла бы безконечность
и, слѣдовательно, безконечный рядъ послѣдовательныхъ состояній міра;
но безконечность ряда по самой своей природѣ исключаетъ возмож-
ность его завершенія послѣдовательнымъ синтезомъ. Столь же непо-
стижима и безконечность пространства: нашъ умъ не способенъ пред-
ставить безконечность пространства ни наглядно, ни посредствомъ
синтеза частей. Но у насъ нѣтъ никакого иного способа представлять
безконечность. Поэтому безконечный міръ не можетъ быть представ-
ленъ, то есть не существуетъ какъ представленіе, или, что для Канта
тоже, вовсе не существуетъ.

Риберъ согласенъ съ тѣмъ, что мы не можемъ представить без-
конечнаго міра ни наглядно, ни посредствомъ синтеза частей, но по-
лагаетъ, что помимо этихъ двухъ способовъ существуетъ еще одинъ,

притомъ единственно истинный способъ представлять безконечное. Способъ этотъ, употребляемый математиками, состоитъ въ томъ, чтобы представить себѣ известную величину и отодвигать все больше и больше ея предѣлы, пока они наконецъ не будутъ сняты мыслью вовсе. Получаемая такимъ способомъ идея несовершенна, такъ какъ отрицательна и неадекватна; но тѣмъ не менѣе она настолько ясна, что математики вводятъ ее въ свои формулы и располагаютъ ею какъ вѣрнымъ орудіемъ.

Кантъ не могъ не знать этого способа, и именно такъ понималъ безконечность времени, пространства и рядовъ, о которой говоритъ въ своей критикѣ. Въ такомъ случаѣ, гдѣ же неспособность ума постигнуть вселенную? Эта неспособность можетъ обозначать лишь одно: безсиліе нашего духа охватить всѣ части вмѣстѣ или же пробѣжать ихъ послѣдовательно. Но какимъ образомъ это безсиліе можетъ помѣшать намъ утверждать безконечность вселенной? Разумъ признаетъ, что природа способна дать гораздо больше, чѣмъ онъ можетъ объять. Реальная безконечность имѣетъ свою тайну, но безконечность, полагаемая мыслью, не имѣетъ никакой, такъ какъ состоитъ изъ вполне ясныхъ идей—изъ идеи величины и идеи устраненія предѣловъ.

Кромѣ отмѣченныхъ двухъ критическихъ направленій существуетъ еще третье, которое хотя и утверждаетъ, что дѣйствительность не можетъ быть нами разоблачена во всей ея наготѣ, какъ она существуетъ сама по себѣ, и что природа идетъ путемъ, отличнымъ отъ того, который намѣчается нашими научными формулами, но что тѣмъ не менѣе между формами дѣйствительности и формами познанія существуетъ нѣкоторое соотвѣтствіе, такъ что наши научныя познанія можно разсматривать какъ символы дѣйствительности.

По Риберу, не все въ нашемъ знаніи есть символъ: нѣкоторые свойства бытія, напримѣръ, различіе, сходство, число, сочетаніе, порядокъ, нами постигаются такъ, какъ они существуютъ въ реальности.

Во всякомъ случаѣ (говоритъ онъ) нельзя смѣшивать познанія абсолютнаго съ утвержденіемъ его бытія: мы можемъ не знать, каково абсолютное, но утверждать его бытіе вынуждены.

Подготовивъ, такимъ образомъ, почву для возведенія „новаго“ философскаго зданія, Риберъ приступаетъ къ его постройкѣ. Зданіе это многоэтажное.

Во „вступленіи“, служащемъ фундаментомъ, излагается, по принципамъ современной астрономіи, „космологическое опредѣленіе все-

ленной“, какъ того великаго цѣлаго, которое подлежитъ философскому познанію и истолкованію, и намѣчаются основные метафизическіе вопросы, для отвѣта на которые это познаніе и истолкованіе предпринимается.

Вопросы эти, заимствованные авторомъ у Фулье, слѣдующіе:

1. Довлѣтъ или не довлѣтъ себѣ зримая природа; существуетъ ли первый принципъ, откуда все происходитъ, долженъ ли этотъ принципъ быть понимаемъ въ терминахъ матеріи или въ терминахъ сознанія, или же онъ совершенно неопредѣлимъ.

2. Ограниченъ или неограниченъ міръ въ пространствѣ, имѣтъ ли не имѣтъ начало во времени, и не теряютъ ли самыя идеи начала и конца смыслъ въ примѣненіи ко вселенной

3. Существуетъ ли въ мірѣ только необходимость, или же въ немъ есть мѣсто и для случайности, для нѣкоторой гибкости всеобщаго детерминизма.

4. Способенъ ли міръ къ прогрессу, или же онъ совершаетъ вѣчный круговоротъ, подобно колесу Иксіона.

5. Какова наша истинная природа, наше происхожденіе, наша судьба.

6. Есть ли наша нравственность чисто человѣческій законъ, или же она сверхъ того опирается на какое нибудь глубокое стремленіе всей природы.

7. Имѣтъ ли всеобщее движеніе смыслъ или цѣль; хороша или дурна вселенная, или же она безразлична для тѣхъ преходящихъ явленій, которыя мы называемъ добромъ и зломъ, но которыя, быть можетъ, простые всплески волнъ на равнодушномъ ко всему океанѣ.

Первая глава излагаетъ космогонію, „туманно-кольчатое происхожденіе нашей системы“; вторая—небесную механику, ставя на видъ „соотвѣтствіе между реальнымъ и раціональнымъ“, то есть близкое соотвѣтствіе между реальными и вычисленными орбитами; третья—геологію, исторію земли до появленія на ней живыхъ существъ; четвертая—ученіе о теплѣ съ точки зрѣнія закона о сохраненіи энергіи; пятая—ученіе о химическомъ сродствѣ, о молекулярныхъ группировкахъ и ритмахъ; шестая—о свѣтѣ и электричествѣ; седьмая—посвящена общей механикѣ; восьмая—содержитъ палеонтологію, постепенное развитіе растительнаго и животнаго царства; девятая—ученіе о жизни и организмѣ съ точки зрѣнія ученія о развитіи; десятая—знакомитъ съ начатками душевной жизни у живот-

ныхъ; одиннадцатая—съ дикимъ человѣкомъ; двѣнадцатая—съ варварской эпохой; тринадцатая—съ греческой культурой; четырнадцатая—съ римской культурой; пятнадцатая—съ первоначальной христіанской культурой; семнадцатая—съ средними вѣками и возрожденіемъ.

Этимъ заканчивается фактическая часть. Въ послѣдующихъ главахъ Риберъ возвращается къ теоріи. Въ восемнадцатой главѣ онъ дѣлаетъ „психическіе выводы объ отношеніи между тѣлеснымъ и духовнымъ міромъ“. Между нервными и духовными процессами существуетъ тѣсная связь; ощущеніе необходимо предполагаетъ нервный процессъ, оно есть его откликъ, транспозиція, переводъ, превращеніе; тѣмъ не менѣе ощущеніе совершенно отлично отъ молекулярныхъ измѣненій въ нервной системѣ и не можетъ быть изъ нихъ выведено.

Деятнадцатая глава выясняетъ основные двигатели прогресса. Двигателей этихъ пять: 1) экономическая энергія, такъ какъ досугъ, необходимый для пробужденія мысли, возможенъ лишь при экономическомъ избыткѣ; 2) любовь къ свободѣ, такъ какъ, по свидѣтельству исторіи, одна только свобода плодотворна въ дѣлѣ прогресса; 3) научная любознательность, такъ какъ только она одна служитъ источникомъ того свѣта, который, разгоняя обманчивые призраки, даетъ намъ увѣренность на жизненномъ пути; 4) живое чувство красоты, такъ какъ при отсутствіи идеала развѣнчивается самое лучшее въ природѣ и человѣкѣ; 5) наконецъ, среди нравственныхъ стремленій, духъ справедливости, такъ какъ лишь справедливость можетъ служить твердымъ основаніемъ для мира среди разнородной человѣческой борьбы.

Двадцатая глава обсуждаетъ вопросъ о жизни во вселенной, то есть объ обитаемости планетъ. Риберъ приходитъ къ положительнымъ выводамъ и ставитъ на видъ возвышающее дѣйствіе такого ученія.

„Вселенная не есть несвязное собраніе существъ, загадочныхъ другъ для друга и въ частности для людей. Она населена человѣчествами, быть можетъ различными по формѣ; но что значитъ форма, если души тождественны? Мощные доводы заставляютъ думать, что принципы нашей мысли, столь простые, столь ясные и столь элементарные, лежатъ въ основѣ всѣхъ умовъ, и это убѣжденіе въ свою очередь укрѣпляетъ въ увѣренности, съ которой мы это утверждаемъ. Не безразлично, смотрѣть ли на проявленія разума какъ на свой-

ственные только одной расѣ, или же какъ на свойственные всѣмъ: въ послѣднемъ случаѣ возможно утверждать, что та истина, та красота и то благо, которымъ мы поклоняемся, не простыя земныя созданія, преходящіе идола, измышленные человѣчествомъ, но самое благородное въ природѣ вещей, чистыя и безсмертныя сущности, словомъ, истинные боги, которыхъ признають всѣ умы во вселенной“.

„И на сколько возвышаются въ присутствіи звѣзднаго неба чувства тѣхъ, которые умѣють его созерцать и понимать! Эти огни, къ которымъ странникъ философъ устремляетъ взоръ съ палубы своего земного корабля,—онъ къ нимъ не напрасно обращается съ вопросомъ; они въ его глазахъ какъ бы сигналы незримыхъ флотовъ, которые уносятъ чрезъ пространство неизвѣстныхъ странниковъ, одаренныхъ способностями, сходными съ его, подверженныхъ подобнымъ же испытаніямъ и живущихъ одинаково съ нимъ среди горя и радости. Но онъ не останавливается на этомъ первомъ впечатлѣніи: онъ думаетъ о томъ, что привѣтъ, посылаемый во всѣ стороны лучами его собственной планеты, понимается въ другихъ мірахъ; онъ мечтаетъ о дружественныхъ мысляхъ, которыя скрещиваются съ его собственной въ лонѣ безднъ, и онъ испытываетъ спокойную радость, раздѣляя эту научную вѣру, болѣе ясную, чѣмъ свѣтъ солнца, и болѣе сильную, чѣмъ ихъ притяженіе, которая изъ глубинъ небесной тьмы вызываетъ легіоны духовъ, уничтожаетъ раздѣляющее ихъ пространство и ихъ призываетъ къ идеальному общенію подъ величественнымъ сводомъ храма ночи“.

Главы двадцатая и двадцать первая о „системахъ“ предлагаютъ критику деизма, матеріализма и пантеизма.

Деизмъ долженъ быть отвергнутъ по двумъ главнымъ причинамъ: во первыхъ, исторія міра, доступнаго наукѣ, не открываетъ никакого вмѣшательства личнаго существа; во вторыхъ въ мірѣ царитъ такая несправедливость, что единственнымъ оправданіемъ для Виновника міра должно быть то, что такого Виновника вовсе не существуетъ.

Не болѣе состоятельны и матеріализмъ и пантеизмъ. Изъ матеріи невозможно объяснить даже зачатковъ духовной жизни и тѣмъ менѣе вышихъ ея проявленій. Утверждать, что духовные процессы—слѣдствіе матеріальныхъ, значитъ не замѣчать несоотвѣтствія между слѣдствіемъ и причиной. „Пусть, на примѣръ, будетъ слѣдствіемъ озареніе научнаго ума, полетъ поэзіи или краснорѣчія, благородный

порывъ, всецѣлое завладаніе души благочестіемъ, великодушное рѣшеніе, добровольная, горячо желанная смерть за отечество, за правду, и причина—особый видъ движенія въ молекулахъ мозговой мякоти. Какаѣ аналогіи можетъ допустить, что первое есть слѣдствіе второго? Несомнѣнно, мозгъ—органъ удивительной тонкости и вибрируетъ чудесно; но во всякомъ случаѣ эти вибраціи—явленіе чисто физическое; оно никогда не можетъ само собою выйти изъ порядка физическаго, никогда не можетъ само собою возвыситься до ощущенія. Что же это такое, что превращаетъ его въ царственную ясность, въ гениальное вдохновеніе, въ глубокую симпатію, въ героическое усиліе, въ вѣру, въ любовь, въ воодушевленіе? У матеріалиста нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ. Ему кажется совершенно простымъ, что эти высшія обнаруженія сознанія, столь гармоничныя, столь могучія, столь чистыя, что ихъ часто называютъ божественными, суть лишь „другая сторона“ нѣкоторыхъ нервныхъ процессовъ; ему кажется достаточнымъ, когда онъ ихъ называетъ субъективными. На дѣлѣ, этого слишкомъ мало: изъ простаго молекулярнаго движенія никогда не произойдетъ ничего подобнаго; для такихъ аккордовъ нужна душа; голоса нравственнаго инструмента слишкомъ выразительны, чтобы ихъ сила и ихъ акцентъ могли зависѣть только отъ физическихъ струнъ“

Ученіе пантеизма просто и величественно, но оно не удовлетворяетъ даже скромнымъ требованіямъ критики, такъ какъ заключаетъ въ себѣ коренное противорѣчіе: изъ единаго нельзя извлечь многое и изъ тождественнаго—различное. Къ тому же, пантеистическое міровоззрѣніе безсильно объяснить существованіе зла.

Глава двадцать вторая содержитъ „послѣднія внушенія на порогъ образованія гипотезы“. Предыдущее изслѣдованіе уполномочиваетъ Рибера къ выводу, что изъ одного принципа невозможно объяснить всю совокупность дѣйствительности, что необходимо допустить ихъ два. „Дуализмъ слѣдуетъ реформировать, преобразовать, передѣлать; говорить же, что его слѣдуетъ устранить, какъ исчерпанный вопросъ, значитъ идти одновременно и противъ самыхъ живыхъ указаній природы и противъ теченія современной мысли, какъ оно съ очевидностью вырисовывается. И въ самомъ дѣлѣ, міръ представляетъ намъ повсюду двѣ стороны реальности, несводимыя одна къ другой. Это—если говорить только о самомъ выдающемся—атомъ и сила, органъ и функція, вещество и духъ, порядокъ и безпорядокъ, добро и зло, матерія и форма, количество и качество, единство и разно-